

ДМИТРИЙ ИГУМНОВ

ВЫБОРЫ

РАССКАЗ

Давно это было — в советское время...

Был у меня закадычный друг Игорь Соломин. Вечерами, особенно в субботу или в канун праздников, собирались у него на квартире. Травили анекдоты, пели полувойенные и полублатные песни, спорили... Всё это, конечно, под водочку. Нет, не пьянствовали, но в подпитии находиться случалось. Больше, конечно, рассуждали о девчонках. Но не только о них. Затевались иной раз споры политические...

Жил Игорь в то время со своей матерью и старенькой тётушкой Марией Ивановной. Тихая и наивная Мария Ивановна самозабвенно любила своего единственного племянника. Кроме того, она очень почтительно относилась к военным. Это обстоятельство давало повод племяннику подшучивать над тётушкой-старушкой.

— Вот представь, тётя Мань. Останавливается у нас перед домом чёрная “Чайка”. Выходит из неё сам маршал Будённый... — В такие моменты поддатенький племянник старался не только интонациями, но и жестами красочно дополнить воображаемую картину. — Входит к нам Семён Михайлович, опускается на одно колено и, крутя усы, говорит: — Дорогая Мария Ивановна, предлагаю вам руку и сердце!

Мы хихикали, а бедная старушка чуть ли не со слезами на глазах махала на племянника руками:

— Ты что! Ты что, Игорёк? Разве можно такое представить!

ИГУМНОВ Дмитрий Васильевич родился в Москве в 1937 году. Служил на Балтийском флоте. Окончил Всесоюзный заочный энергетический институт. В настоящее время преподаватель Московского института радиотехники, электроники и автоматики. Автор книги прозы “Рыжий”. Живёт в Москве

Так вот, однажды, в канун выборов в Верховный Совет СССР, возник у нас “политический спор” — о существующей системе народного волеизъявления. Я на хмельную голову горячился и утверждал:

— Если кому-то не нравится кандидатура депутата — вычеркни. И предложи другую кандидатуру!

— Ну вот и попробуй, — возражал мне наш общий с Игорем приятель Борька Березкин.

— И попробую! — не унимался я. — Вот пойду завтра и сделаю, как хочу!

— Флаг в руки, — иронично поддержал Игорь и, ударив по гитарным струнам, с надрывом запел:

*Держась за Раю,
Как за ручку от трамвая...*

На следующее воскресное утро моя решимость проявить гражданское волеизъявление не пропала. Часов в десять я уже был на избирательном участке. Зарегистрировался, взял бюллетень.

Как на всяких свободных выборах, у нас в то время были предусмотрительны специальные кабинки. В такую кабинку мог зайти каждый избиратель и тайне написать в бюллетене, что хочет. Но желающих практически не было. Зачем? Проще сразу пройти от регистрационного стола избирательной комиссии к урне и бросить в неё бюллетень. Все ведь всё понимали...

Так вот, я взял бюллетень, повертел в руках — и шмыг в кабинку. Сразу закрыл в ней шторы, а в небольшую щелку между шторами решил понаблюдать. Смотрю, в зале все присутствующие замерли. Прямо-таки немая сцена из “Ревизора”. Небось, думают: “Во псих! Чего бы не натворил!”

В кабинке на столике лежала шариковая ручка, привязанная бечёвкой к стойке. Но я подготовился к выборам основательно — имел свою. Я здорово волновался, и всё же... Всё же вычеркнул из бюллетеня фамилию какого-то претендента на депутатский мандат. Вычеркнул, но тут же стал колебаться... Сам-то я колебался, а рука моя взяла, да и написала имя нового претендента: “Мария Ивановна Соломина”.

Вышел я из кабинки, подошёл к урне. Тишина в зале гробовая. Все глядят на меня настороженно. Рядом с урной стоит милиционер и смотрит подозрительно — готов в любую минуту арестовать. Тут мне по-настоящему стало страшно. Но пути назад нет...

Как очутился на улице — не помню. Отошёл от избирательного участка метров на пятьдесят и решил проверить: нет ли за мной слежки. Нагнулся, якобы завязываю шнурки на ботинках, а сам гляжу за спину. Вроде всё спокойно, народ идёт по своим делам. Ну, слава Богу, пронесло!

Пришёл домой. Хотел заняться делами — не могу. Все мысли, все чувства только о выборах. Вот угораздило! Похандрил я немного, душевно помучился, а потом махнул рукой, пошёл в магазин, купил бутылку водки и поехал к Игорю.

В квартире Соломиных — уже застолье. Собрались друзья, пели под гитару:

*А мне мерещится,
Что водка плещется...*

Мария Ивановна хлопчет у стола. Игорь угощает друзей. Атмосфера сердечная. О вчерашнем разговоре все и забыли.

Но я не забыл! Посидел, выпил стопашку-другую водки и сказал:

— Я слов на ветер не бросаю!

Тут все вспомнили мои вчерашние заявления. Стали расспрашивать, что да как.

— Неужели решился? Вычеркнул? — удивлялся Игорь.

— И вычеркнул и вписал! — гордо отвечал я.

Все загалдели:

— Кого? Кого вписал?

Я держал паузу. А когда нетерпение достигло предела, голосом диктора Левитана торжественно произнёс:

— Мария Ивановна Соломина!

Тишина за столом повисла враз.

— Значит, моя тётя Маня может стать государственным человеком? — как-то сдавленно, не то смеясь, не то ужасаясь, произнёс Игорь.

Опять — оглушительная тишина.

Тут бац — послышался глухой удар об пол. Все вскочили из-за стола. В дверном проеме лежала Мария Ивановна. Вероятно, моё известие она услышала тогда, когда входила в комнату.

Началась суета, поднялся шум. Побежали на улицу к телефону-автомату вызывать неотложку. “Скорая помощь” приехала быстро и после краткого осмотра забрала Марию Ивановну в больницу.

Сколько уж лет прошло, а сирена той “Скорой помощи” до сих пор звучит у меня в ушах!

На другой день я стал названивать в справочную службу больницы. Совесть жгла — как там здоровье Игоревой тётки? Но и тут вышла закавыка: Марию Ивановну положили в реанимацию, а оттуда информацию могли получить только ближайшие родственники. Так я и промучился несколько дней, проклиная наши выборы.

К счастью, Марию Ивановну вскоре выписали из больницы. Но душевное спокойствие, как потом мне рассказывали, вернулось к ней не скоро.

Я уже больше не бывал в квартире Соломиных. Несколько раз встречал Игоря на улице, но даже поговорить не находилось о чём.

Давно это было — в советское время.

Теперь у нас другие выборы. Демократические.

КУКУЙ

РАССКАЗ

*Светлой памяти
Валентины Сергеевны*

Был вечер. Из плотного серого тумана выступали чёрные крыши изб и кроны деревьев, а остальное — не видать... Из печных труб вылетали искорки: наступивший в то лето холод понуждал селян топить печи. Из нескольких изб деревни не топились печи лишь в одной. Я уже знал, что это дом Клавки Кукуихи, но ещё не знал, почему хозяйка не разводит огонь.

Было жутковато. Но я всё же решил не поддаваться всякой чертовщине и возле плетня продолжал путь в направлении леса. Очень хотелось доказать, прежде всего самому себе, что рассказы местных жителей о всякой нечисти, ютящейся поблизости, есть сушная ерунда, и не более того.

Сразу за огородами, отделяя их от леса, проходила грунтовая дорога. В то гнилое лето дорога превратилась в грязную канаву, так что перейти её можно было только в высоких резиновых сапогах. Кое-как преодолев эту преграду, я вышел на знакомую мне лесную тропку и с замиранием сердца углубился в чащу.

Ещё утром мы с женой шли по этой тропке. Поскольку в это лето грибов и ягод почти не было, мы решили запастись хотя бы корневищами калгана, или лапчатки. Отвар из них хорошо помогает при желудочных хворях. Возле тропки росло множество кустиков калгана, и корневища некоторых из них приятно поражали своими размерами.

Дорога вроде бы была знакома. Но — это днём. Сейчас же, в густых сумерках, показалось, что я сразу сбился с пути. Прошёл ещё немного, и всё,

дальше — не могу. Какая-то неведомая сила заставила остановиться. Стою, смотрю, слушаю...

Ждать пришлось недолго. Со всех сторон засветились и замельтешили точки-огоньки. Перемещались они по замысловатым траекториям и, как мне показалось, общались между собой. При этом слышался то ехидный смех, то недовольное ворчание, то нечто похожее на хрюканье.

Ну, хватит с меня! Твёрдо знаю, что всего этого быть не может! Но ведь вижу, ощущаю! Видимо, материалист я хренов... Понемногу начал пятиться, а вскоре кинулся прочь из леса. Всё время казалось, что за мной кто-то гонится.

У кромки леса я заставил себя оглянуться. Вахханалия мерцающих в туманной мгле существ продолжалась. Всё же хватило мне духа отчитать себя напоследок: “У страха глаза велики”. Ну, и всё. Быстрей в дом. Хватит с меня этих экспериментов.

В деревенской горнице, освещённой тусклым светом керосиновой лампы, за столом сидели женщины и играли в карты.

— Ну, что? Подурили тебя малость? — очень буднично спросила одна из них, которую звали тётёй Дуней. — Седай лучше к нам, целее будешь.

...Вообще-то я самый настоящий городской житель. И в детстве, и в юности, да и всегда жил и сейчас живу в городе. Помню, еще подростком завидовал ребятам, у которых в деревнях жили бабушки. Туда, на деревенское раздолье, уезжали многие из них на все лето. Вот это действительно каникулы: купайся, сколько хочешь, загорай, отсыпайся, ходи в лес за грибами. У меня тоже была любимая бабушка, но она была коренной москвичкой и знала о деревенской жизни не больше моего...

И вот я стал взрослым человеком. И даже женился. Моя жена Валя в детстве не раз гостила в далёкой деревне, откуда родом её бабушка. Правда, теперь бабушка жила в городе, но в деревне остались две её сестры.

— Нас примет тётя Дуня или тётя Ньюша, — сказала Валя, зная о моей мечте детства. — Вот в отпуск и поедем.

...После мытарств долгой дороги — поезд, автобус, пеший путь, переправа через реку — наконец-то, околица нашей деревни.

У крайней избы стояла высокая старуха, прикрывающая рукой глаза от солнца. Это оказалась одна из сестер Валиной бабушки — тётя Дуня. Как она могла догадаться не только о дне, но и о часе нашего приезда?!

— А так, — незамысловато ответила она на мой вопрос.

Что ж, пришлось удовлетвориться.

В первые дни нашего пребывания в деревне стояла солнечная погода, или, как говорила тётя Дуня, “ведро”. Потом небо затянули свинцовые тучи, и пошли дожди. Такое состояние природы тётя Дуня называла “погода”.

Несмотря на солидный возраст, тётя Дуня выглядела статно: высокая и худая, с волевым выражением лица и уверенными движениями. Обладала она жёстким и колючим характером, была крайне самоуверенна и изрядно жадновата. Её младшая сестра тётя Ньюша ростом была почти вдвое ниже. Суетливая, но при этом тихая, наивная, добрая-предобрая. Обе сестры были вдовицы. Муж тётю Ньюши погиб на фронте, а муж тётю Дуни, хоть и вернулся с войны, но вскоре умер от перенесённых ранений и контузий.

Всего в деревне осталось семь домов. Жили в них преимущественно старухи. Лишь в самом центре высился добротный двухэтажный дом, в котором жила “полная” семья Кокиных: муж, жена, трое детей и мать-старуха. Имелись у них две коровы, тёлка, овцы, домашняя птица. В общем, жили они зажиточно. А ещё все местные считали, что старуха в семье Кокиных настоящая колдунья. Впрочем, и помимо этой старухи, Насти, сверхъестественно в деревне было достаточно...

Меня очаровала здешняя речка: чистейшая вода, отмели, перекаты и омуты.

— Чего ты всё полощешься в воде? Нашёл себе дело, — недовольно говорила тётя Дуня. — Да и ходишь потом без порток. Не робёнок ведь. Срамота, да и только.

— Так я же купаюсь! А как иду в избу, так сразу и оденусь, — отвечал я.
— Действительно, тётя Дуня, не купаться же в одежде, — поддерживала меня Валя.

— Купаться, купаться... Можно и не купаться. Ведь мужик уже. От реки до избы рукой подать!

— Ну а зачем тогда река, если в ней не купаться?

— А затем! — Тут наступила пауза, после которой тётя Дуня въедливо спросила: — А тебя ишо никто в реке не покусал?

— Кто меня должен покусать?

Тут вступила в разговор тётя Нюша:

— Ой, а ты ишо не знаешь? Ведь у нас в реке нечисть водится — молокосос. Дуняш, расскажи!

Тётя Дуня опять строго держала паузу. Мы терпеливо ждали.

— Узнала я об нём ишо до войны. Стала корова приходить каждый вечер пустая, без молока. Мы к пастуху, мол, кто смеет её доить? А он божится, что никто. Стали мы тогда все следить за коровой, — окая, рассказывала тётя Дуня. — Пастуха звали Ёгором. Он и углядел. Когда стадо шло через реку по броду, наша корова остановилась посерединке и ласково так замычала. Ёгор уверял, что до брода вымя коровы было полное, а опосля — пустое. У него глаз намётан. Ну а сам мужик он был ничаго, видный.

— Всё к тебе, Дуняша, приставал, — заметила тётя Нюша.

— Тебе на зависть, — строго обсекла младшую сестру тётя Дуня. — Углядел Ёгор, что какая-то сволочь в воде вытягивает молоко из нашей коровы. Чего делать? Пошли к катюхиному Ефиму. Рыбак он был ловкий. Говорим, мол, так и так. Помогите. Ефим, похоже, уже слышал, что завёлся у нас в реке оборотень-молокосос. Обещал изловить эту нечистую рыбку. С неделю, наверно, он охотился. Не одну курицу извёл на приманку. И вот однажды перехитрил Ефим молокососа. Тот цапнул курицу, а в ней большой крючок. Стал Ефим тащить за веревку свою добычу, а сил не хватает. Заорал: “Помогите!” Прибегла Катюха. Тянут вместе, а всё никак. Тут как вода за бурлит, а из неё явилась голова как у сома, но с рогами. Ефим и сам не рад: чего связался с нечистой силой. Рыбина вся извивается и жутко кричит. Бросились Ефим с Катюхой наутёк.

— Ну, а что потом? — поторапливала рассказчицу Валя.

— А то! — Только матом его надо покрывать, только матом. В ентих случаях только матерщина помогает.

Но старшая сестра и тут урезала её:

— Кто был, говорить нельзя! Поняла?

— Куда потом делись и крючок, и веревка, и курица? — с насмешкой поинтересовался я.

— Куда, куда? Небось, сожрал всё. Зато вот корова образумилась...

— А вот прошлым летом на Казанскую прихватил он лодку, на которой мы с бабами плыли, — сказала тётя Нюша.

— Ой, тётя Дуня, расскажите, пожалуйста, — Вале понравились такие рассказы.

Тётя Дуня неспешно повела речь об очередной встрече с нечистью.

— Пльвём, значит, мы с бабами. Праздник престольный — Казанская. Все в праздничном состоянии... Только минули поворот у Филиппова ручья, а лодка раз — и осела, и никак. Гребём-то в две пары вёсел, а всё ни с места. Бабы заволновались, закричали. А ему хоть бы что! Вцепился сзади и держит лодку. Ладно бы озоровал молча, а он-то всё по-козлиному ещё блеет. Бабы голосят, а всё без толку. Все от страха враз забыли, чего делать надобно.

— И что в таких случаях надо делать? — не утерпел я.

— А то! Только матом его надо покрывать, только матом. В ентих случаях только матерщина помогает.

Хочу сказать, что первое, чем удивила меня эта деревня — полное отсутствие сквернословия. Бранной речи здесь никто не использовал. Ни стар, ни млад, ни мужчина, ни женщина, ни пьян, ни трезв. Говорили, конечно, на особый деревенский манер. Но чтоб матом — никогда!

— И вы ругались матом? — изумилась Валя.

— А то! Заорал он дурниной, да и отпустил лодку-то. Против русского мата он не устоит. Истинное средство против всякой нечисти...

Скромница тетя Ньюша покраснела и при этом согласно кивала головой.

Унылыми тусклыми вечерами все садились за стол и играли в карты. Как назло, начались проблемы с электричеством: частенько гас свет. Приходилось спасаться керосиновой лампой. В сумраке деревенской избы рассказы тети Дуни о встречах с нечистью звучали жутковато.

— Были как-то на ярмарке. А вот на обратном пути получилась лихая встреча.

— С ним? — спрашивала Валя, уже поднаторелая “в дьявольщине”.

— С кем же ишо? — Тетя Дуня глубоко вздохнула и немного помолчала. — Припозднились мы малость, но ночь, слава Богу, была светлая. Ехали прытко. Лошадь бежала проворно.

— Лошадь-то Мальчиком звали, — добродушно вставила тетя Ньюша.

Тетя Дуня ее будто и не услышала.

— Едем, значит, мы, едем. Уже приехали к оврагу, и с того края виден дом Катюхи. И тут как вцепится он в задок телеги — и всё. Лошадь, бедная, ржёт, бьётся, а всё на месте. Чего тут не понять, всё ясно. Полнотовать ему захотелось. А меня злость такая взяла: и так поздно едем, а он ишо вздумал озоровать.

— А вы бы матом! — в один голос выкрикнули мы с Валею.

Тётя Дуня строго взглянула на нас.

— То-то и верно. Тогда понесло меня изрядно. Порассказала ему про матушку всё, что знала. При том хлещу его кнутом, хлещу. Тут он перестал орать блажью, захрюкал по-свинячьи и убёг куда-то.

Хотя я сомневался в правдивости рассказа, всё же шепнул на ухо жене:

— Какое чудо вершит русское слово против нечисти...

Уже подходил к концу наш отпуск. Теперь мы не знали, как выбрать-ся из нашего деревенского заточения. Всё кругом было затоплено, даже по единственной деревенской улице приходилось передвигаться с трудом. В отдельных местах грязная жижа доходила почти до колен. Машины и в погожее лето приезжали сюда редко, а сейчас не ходили и подавно. Оставалась единственная транспортная артерия — река. Приходилось надеяться на оказию; бывали случаи, когда приходили по реке моторные лодки в нашу деревню.

— В воскресенье должен заехать Михаил, егерь с района, так что вас и захватит, — с радостью, что может нам помочь, уверяла тётя Ньюша.

В последний наш деревенский вечер мы с Валею, невзирая на хляби, решили прогуляться. Тётя Дуня с тётей Ньюшей неожиданно для нас согласились составить компанию. Дорога деревенская мало подходила для пеших прогулок, но в некоторых местах между избами лежали деревянные мостки. Мы не спешили. Шли под аккомпанемент разговоров на случайные темы.

Когда оказались против дома Клавки Кукуихи, моя Валя громко вскрикнула. Вскрикнула и обеими руками указала на небо над лесом. По тёмному небу летел огненный шар. Был он ярко-оранжевого цвета и в диаметре не меньше футбольного мяча. Когда он оказался над деревенскими крышами, тут и я вскрикнул... Тётя Ньюша тоже замерла. Правда, без страха. А тётя Дуня буднично и спокойно сказала:

— Кукуй прилетел к своей Клавке.

Оказывается, муж Клавки Кукуихи, стало быть, сам Кукуй, как большинство деревенских мужиков, был убит на фронте во время Великой Отечественной войны. Однако, в отличие от погибших земляков, не канул в вечность, а стал прилетать в деревню в таком необычном виде... Огненный шар сделал небольшой полукруг над избой Клавки и юркнул в печную трубу.

— Под утро должен улететь восвояси, — добавила тетя Дуня. — Это щас он как шар, а войдёт в горницу и станет как человек. Нинка Кокина видала, как он выходил на крыльцо — в гимнастёрке, в сапогах.

— А что, он даже разговаривает с Клавкой? — в смятении спросил я.
— Стал бы он для разговоров прилетать. Спит он с Клавкой как с женой. Мужик, он и есть мужик. Только вот сколько лет он наведывается, а Клавка так и не брюхатела.

— А почему?

— А потому!

Я больше не стал задавать вопросов. Даже не узнал, откуда взялось это слово — Кукуй? Похоже, и Валя была так изумлена, что не нашлась, о чём спросить непреклонную тётю Дуню.

В воскресенье приплыл в деревню на моторке егерь Михаил. Мы перенесли свои пожитки в лодку, стали прощаться с гостеприимными хозяйками.

— Тётя Дуня, почему в вашей местности чудеса творятся? Существа какие-то, сила нечистая? Чертовщина разная... В городе такого нет.

— В городе люди хуже чертей! — отрезала тётя Дуня. А тётя Нюша улыбнулась и покивала головой.

Когда мы забрались в лодку, тётя Дуня и тётя Нюша вошли в воду и помогли сдвинуть лодку с прибрежного мелководья. Я сел за вёсла, стал выгребать на середину реки, а Михаил возился с мотором.

Валя сзади прислонилась ко мне и тихо спросила:

— Ну как, доволен? Посмотрел на глухую русскую деревню?

— Как в русской сказке побывал, — искренно ответил я. — Да, я вот посчитал число жителей в деревне, и, представляешь, получилось тринадцать. Опять мистика!

Михаил, наконец, завёл мотор. Нас оглушил рёв. И Валя почти в самое ухо прокричала мне:

— Не тринадцать, а четырнадцать! Кукуя не посчитал.

Лодка сделала полукруг и легла на курс. На берегу, у околицы деревеньки, затерянной среди русских просторов, остались две фигурки: высокой и властной тёти Дуни и маленькой доброй тёти Нюши.